

- Ничего себе дымище! – присвистнула Эплджек, глядя в окно.

— Что там такое? – заволновалась Флаттершай. – В... все так п... плохо?

— Либо кто-то переборщил с фейерверками, либо... — рыжая запнулась. – Я не знаю, но полгорода в дыму. Сама посмотри.

Ковбойка подозвала копытом пегаску, уступая ей место у окна. Флаттершай, в силу своего характера, неуверенно приподнялась на задние копытца и аккуратно глянула в оконце.

Над городом нависало огромное черное облако дыма, от которого сердечко скромницы испуганно ойкнуло. Резкая вспышка в южной части Кантерлота заставила пегаску взвизгнуть от страха.

— Ужасно! – ахнула Рарити. – Кто мог сделать такое в столице?

— Может это те шпионы, о которых говорила принцесса? – таинственно сказала Рейнбоу. – Решили застать нас врасплох, но мы не лыком шиты! Принцесса навалает им!

— Ты можешь думать о чем-либо другом, но не о своем желании настучать кому-нибудь по морде, а? – забурчала Эйджей.

— А что?! – не растерялась пегаска. – Ты же сама вид...

Дверь в комнату резко распахнулась. На пороге показались двое стражников с весьма напряженными лицами. Шерстка гвардейцев по бокам покрылась копотью и пылью. У одного из носа сочилась маленькая струйка крови. Неизвестно, через что прошли эти ребята, но уж точно не яблочки в кафешках трескали.

- Вам нужно пойти с нами! – скомандовал пони серебристого цвета. – Сейчас же!

— Как это понимать? – насторожилась Рейнбоу.

— Приказ самой принцессы Селестии: доставить хранительниц элементов гармонии в убежище! – быстро проговорил второй стражник. – Никаких разговоров! Нужно идти!

— А как же Пинки? – испугалась Флаттершай, выглянув из-под кровати, где пряталась все это время. – Она ведь ушла несколько минут назад в буфет! Ее тоже нужно найти!

— Капрал, поручаю это вам! – обратился единорог к своему товарищу. – Разыщите ее и немедленно доставьте в убежище! Ясно?

— Да, сэр! — стражник с побитым носом отдал честь и выскочил в коридор.

— Следуйте за мной! – требовательно произнес пони.

Кобылки с неохотой последовали за стражником, но тот внезапно застыл на месте. Оказалось, Рарити решила прихватить пару чемоданов, что конечно не устраивало гвардейца, и он, сделав важный вид, произнес:

— Без лишнего груза!

— Лишнего груза? – у единорожки перехватило дыхание. – *Лишнего груза?* ! Да вы хоть представляете, какое сокровище находится в этих чемоданах? Бросить эти вещи – преступление против моды, нет... против всего мира!

— Я сказал «без груза»!

— А я сказала «нет»! – фыркнула модельерша, присев на круп и скрестив копыта на груди. – Какие грубияны служат в королевской гвардии! И как я могла так заблуждаться в благородной страже Кантерлота?

Гвардеец, не дрогнув ни единым мускулом на лице — все-таки пол-лица у него закрыто шлемом, поэтому вряд ли что заметишь, — подхватил единорожку магией и нагло слевитировал ее прямо в коридор. Модельерша потеряла дар речи от такой неслыханной

дерзости, а Рейнбоу, тихо хихикнув, даже похвалила стражника. Эйджей, едва сдерживая улыбку, тоже пришелся по душе такой «тонкий» подход к Рарити.

— Либо вы шагаете на своих копытах, либо я вас потащу! – поставил условие единорог, когда усадил кобылку на пол.

— Хам! – Рарити обиженно отвернулась, но не прошло и секунды, как гвардеец вновь подхватил модельершу магией и потащил по воздуху.

— Быстро за мной! – холодно скомандовал он остальным.

— А ничего у него характер? – прошептала Рейнбоу на ухо Эйджей.

— Что, понравился? – в очередной раз решила подколоть свою подругу ковбойка.

— Ага, треснишь копытом об стену! – недобро бросила пегаска. – Слишком он... мрачный. Пони рысью скакали по коридорам замка потихоньку заполняющиеся дымом со стороны города, чихая и кашляя чуть ли не на каждом шагу. Рарити, недовольство и нытья которой хватило всего на пару минут, молча летела по воздуху с замученным взглядом.

Флаттершай каждый раз испуганно прижимала голову, когда мимо нее проносились на сумасшедшей скорости стражники с обеспокоенными выражениями лица.

— Да куда они все так спешат? – возмущенно спросила Эйджей, чуть не попав под копыта очередному гвардейцу-бегуну.

— В городе объявлена полная готовность, — пояснил жеребец. – Причины мне неизвестны, так что не спрашивайте. Я лишь получил приказ, что вас нужно сопроводить в убежище. Больше ничего не знаю.

— А кто хоть город подпалил, ты знаешь? – спросила Рейнбоу.

— Не-зна-ю! – раздраженно проговорил пони. – Сюда!

Единорог завернул в небольшой коридорчик, ведущий, насколько знали хранительницы, в сторону главного зала. Однако повернув на следующей развилке направо, они уткнулись в тупик.

— А ты точно не потерялся? – усмешливо спросила Эйджей, стукнув гвардейца по броне.

— Нет, — резко ответил он и подошел к статуе аликорна. – Вам сюда.

Рог стражника залился ярким красным цветом. Раздался скрип и небольшой грохот.

Статуя пони стала медленно подниматься вверх, под постаментом которой оказался узкий проход.

— Идите вперед! – жеребец опустил на землю все еще надутую Рарити. – Я останусь здесь.

— А чего это ты с нами не идешь? – наострилась Рейнбоу. – Может это засада.

— А ты знаешь заклинание, чтобы запечатать этот проход, о котором знаю только я и принцесса? – грубо спросил он в ответ. Рейнбоу слегка поджала губы. – То-то же. Хватит болтать.

— Стоп, а как же Твайлайт и Пинки? – ужаснулась Флаттершай. Из-за всей этой спешки она, как и все остальные, только сейчас вспомнили о фиолетовой единорожке и розовой кудряшке. – Что будет с ними?

— За мисс Спаркл не беспокойтесь, она под защитой принцессы Каденс, — спокойно ответил гвардеец. – Мисс Диана Пай прибудет по другому пути.

Пони одна за другой неспешно вошли в небольшой коридорчик, освещаемый несколькими факелами на стене. Воздух оказался спертый и душный, указывающий на то, что этим

проходом давно не пользовались, если вообще когда-либо пользовались. Позади кобылок раздался очередной грохот. Статуя вновь опустилась на положенное место, скрыв за собой белый коридор дворца.

— Ну что, двинули? – спросила Эплджек, окинув своих подруг неуверенным взглядом. Стук копыт громким эхом отскакивал от стен, удаляясь все дальше и дальше по коридору. Флаттершай едва держала себя в копытах, постукивая зубами от страха и дергая крыльями.

— Флаттершай, хватит паниковать! Мы же не к дракону в пасть лезем! – пыталась приободрить свою подруг Рейнбоу, но упоминание о драконе оказалось лишним: розовогривая пони моментально спряталась за позади идущую Рарити. – Да что же это такое?!

— Хватит, Рейнбоу! – неодобрительно фыркнула единорожка, поглаживая желтую пегаску по гриве. – Ты ее только пугаешь!

— Да чего тут бояться: стены, да и только! – брезгливо бросила она. – Тоже мне, психолог.

— Что-что?

— Нет, ничего... ничего. Просто, эмм, эхо.

Через несколько минут тревожной прогулки в этом злополучном месте, пони заметили впереди небольшую железную дверь. Они ускорили шаг, желая как можно скорее покинуть этот жуткий коридор. Однако их надежда на скорое возвращение в белый свет померкла ежесекундно, когда оказалось, что дверь заперта.

— Вот тебе и сладкие яблочки! – ругнулась Эплджек, безуспешно дергая за ручку. – Заперто! А дальше что?

— Давай ее выьем! – не испытывая сомнений предложила Рейнбоу. – Проще некуда!

— Тогда подсоби мальчика, подруга, — Эйджей принялась разминать копыта. – Одна могу не управится.

— Да не вопрос!

Обе кобылки, уверенно кивнув друг другу, одновременно стали колотить копытами в дверь. Та отвечала им лишь громким оглушительным звоном, но открываться и не собиралась. Раз за разом, лишь коробя металл, пони продолжали колотить по злосчастной двери.

— Вот упрямая! – скрипя зубами, прошипела Эйджей. – Но ничего! Я деревья и потолок ломала!

Спустя несколько секунд, дверь с грохотом отлетела в сторону, оставив после себя облако пыли. Перебравшись через порог, пони оказались в большом светлом зале с колоннами. Чем-то напоминало главный торжественный зал, но только в разы меньше. Стекла украшались разноцветной стеклянной мозаикой, которые превращали солнечные лучи в приятную глазу цветомузыку на полу.

— И-и-и... где принцесса? – вопрос Рарити эхом пронесся по пустому залу: кроме кобылок в нем никого не оказалось. По крайней мере, они так думали.

— Она скоро прибудет, — раздался позади слегка хрипловатый голос.

Пони в испуге подскочили на месте. Даже Рейнбоу ощутила неприятную дрожь по спине, но упорно это скрывала. Кобылки обернулись и увидели статного и слегка поседевшего

единорога кораллового цвета с милой улыбкой на лице.

— А вы еще кто? – как можно вежливей обратилась к незнакомцу Эйджей.

— Ах да, где мои манеры, — недовольно ахнул жеребец. — Позвольте представиться – Стоун Хуф. Слуга его Величества, принцессы Селестии... пока слуга.

— В смысле? – слегка поежилась Рейнбоу. Голос единорога навевал мурашки по коже пегаски, что случилось с ней крайне редко. — И где принцесса?

— Я же сказал – скоро прибудет, — спокойно напомнил Стоун. — А-а-а... вас ведь должно быть шестеро? Где же ваши остальные друзья? Принцесса приказала собрать вас всех.

— Ну, эмм, Пинки ушла в буфет незадолго до всего этого, а Твайлайт наверняка в башне с принцессой Каденс, — немного взволнованно пропищала Флаттершай.

— Я надеюсь вашу подругу Пинки найдут как можно скорее и доставят в безопасное место, — улыбнулся пони. — Ведь страшные дела творятся сейчас в Кантерлоте.

— Какие именно не расскажете? – соблюдая этикет, поинтересовалась Рарити.

— О, всего не перечислить, — жеребец неспешным шагом направился в сторону хранилищ. — Искупление, правосудие... перемены.

— Эмм, это вы о чем? – забеспокоилась Эйджей, отступая назад.

— Скажите, вы когда-нибудь задавались вопросом – откуда мы здесь? – спросил жеребец, повернувшись к окну. — Были ли мы первыми, кто жил на этой земле?

— Эээ...

— Вот именно! Никто никогда не думал об этом, потому что она пудрила всем мозги! Тирания Дискорда, Найтмер Мун – все это было подстроено ею, дабы отвлечь пони от этих мыслей!

— Кем «ею»?

— Селестией, кем же еще! — раздраженно ответил единорог, стукнув копытом в стену так, что по ней побежала приличная по ширине трещинка. — Она думала, что правда скроется под пеленой веков?! Ну уж нет! От прошлого не сбежать – оно всегда настигнет тебя... хочешь ты того или нет.

— Ла-а-адно, – неуверенно пропела Рейнбоу, — Мы, пожалуй, пойдем... поищем принцессу, а вы пока побудьте здесь и успокойтесь. Девчонки, потопали!

— Вы уже уходите? – в один миг пони оказался впереди кобылок, что привело их в ужас. — Оставайтесь, вы еще не увидели всей истины!

— Да не, мы как-нибудь и без нее поживем, — нервно улыбнулась Эйджей.

— О, вы просто должны увидеть это! – с дикой улыбкой, большей похожей на оскал, произнес Стоун, оказавшись рядом с Рарити и Флаттершай.

— Слушай, дедуля, ступай-ка ты... — заворчала Рейнбоу, оказавшись между жеребцом и ее подругами.

Внезапно Стоун ударил пегаску по лицу, отчего та отлетела в сторону. Флаттершай, которая все это время не издавала и звука, громко вскрикнула от страха. Рарити, помертвев от ужаса происходящего, задрожала всеми копытами и неуклюже плюхнулась на пол.

— Ах ты зараза! – разозлилась Эйджей до такой степени, что из ее ноздрей повалил густой пар.

Ковбойка с огромной скоростью бросилась на единорога. Пробежав пару метров, пони подпрыгнула в воздух, готовясь отвесить жеребцу копытом с разворота. Но тот продолжал

стоять на месте, даже не шелохнувшись. И за долю секунды, как копыто Эйджей должно было врезаться в морду кораллового пони, он моментально оказался у кобылки за спиной.

— *Бу!*

Единорог схватил ковбойку за хвост, и подобно тому, что творила Эйджей с веревкой, с размаху зашвырнул ее вверх. Но не прошло секунды, как в его спину с громким хлопком прилетел яркий синий луч выпущенный пришедшей в себя Рарити, откинувший единорога в сторону. Эплджек, кувыряясь в воздухе, резко подлетела до самого потолка. И уже через пару мгновений кобылка начала пикировать в обратном направлении. Та зажмурилась от страха, однако за пару метров от пола ковбойку окутала голубая пелена, бережно опустившая ее на землю.

— Никто не смеет обижать моих друзей! – едва не срывая голос, крикнула Рарити, звонко стукнув копытом. – Никто!

— Ох, как же я мог забыть о вас, мисс Рарити, — единорог обидчиво цокнул губами. — Как невежливо с моей стороны обойти вниманием такую особу!

Единорог бросился на модельершу. Раздался поистине сокрушительный грохот. Все стекла в зале в долю секунды превратились в дождь из осколков. В туже секунду пространство между жеребцом и кобылками разрезала ярчайшая молния, заставив Стоуна отпрыгнуть назад.

— *НЕ СМЕЙ ПРИКОСАТЬСЯ К НИМ, ЧУДОВИЩЕ!*

Голос принцессы Луны, переполненный неизмеримым гневом, сокрушающей волной пронесся по залу, оглушив даже хранительниц. В тот же миг, Стоуна с огромной силой отбросило в стену, оставив в ней огромную дыру. Единорога накрыло облаком пыли, скрыв от взора сумеречной принцессы. В дымке появилось движение. Однако то, что в туже секунду пристало перед принцессой, явно не было похоже на пони.

— Какие пони?! – радостно воскликнул серый оборотень, вытирая с губы кровь. – А я думал, когда же принцессы появятся?

— *И КАК У ТЕБЯ ХВАТИЛО ДЕРЗОСТИ ПРЕСТУПИТЬ ПОРОГ ДВОРЦА!* – неистово крикнула Луна. – *УБИРАЙСЯ, ИНАЧЕ НА СЕБЕ ОЩУТИШЬ НАШУ МОЩЬ!*

— Ох, эта противная привычка аликорнов — называть себя во множественном числе! – сплюнул оборотень. – Неужели твой папочка научил тебя так задирать нос?

Глаза сумеречной принцессы озарились ярким светом, как тогда на фестивале Ночи Кошмаров. Пространство вокруг аликорна задрожало, и в тот же миг из ее рога вырвался яркий и огромный луч света, чья мощь ощущалась даже хранительницами элементов, стоявших далеко в стороне. Оборотень успел отскочить от стены, но мощь сумеречной пони оказалась настолько высока, что того подбросило взрывной волной в воздух и вышвырнуло в окно.

— Они всегда убегают... — бубнила что-то под нос Луна. — Вы целы, мои маленькие пони?

— Мы да, а вот Рейнбоу... — Рарити перевела взгляд на пегаску неподвижно лежавшую у железной двери.

— Она в порядке, просто без сознания, — пояснила Луна, приблизившись к пегаске и коснувшись ее рогом. — Еще бы пара секунд и вас... Что вы вообще здесь делаете?

— Эмм за... за нами пришел стражник и сказал, что прин... принцесса Селестия приказала увести н... нас в безопасное место – то есть, сюда, — слегка неразборчиво ответила Эйджей, все еще не никак не придя в себя после зигзагов в воздухе. – А тут оказался этот... пушистик?

— Оборотни, — угрюмо пояснила принцесса. – Я и Селестия думали, что тот, с которым расправился Артем, последний. Но оказывается, нет. Стоун... И этот мерзавец более двадцати лет крутился у нас под носом?! Немыслимо! Как мы с Селестией не заметили?

— Что там Артем сделал? – Рарити навострила уши, внимательно посмотрев на аликорна.

— Увы, сейчас не время для разговоров, — резко ответила Луна. – Нужно спешить. Идите за мной.

— Принцесса, я понимаю, что... хотя я вообще ничего не понимаю! – неожиданно психанула Эплджек.

– Кантерлот в дыму, нас чуть не размазала по стенке какая-то двухметровая псина! Объясните, наконец, что происходит?!

Рарити и Флаттершай испуганно ахнули. Такое поведение да при принцессе? К тому же, Эплджек всегда была сдержанной пони и редко позволяла себе подобные выступления. Но психовать при принцессе ночи? Хуже не придумаешь.

— Ты действительно хочешь знать правду? – серьезно спросила Луна, глядя сверху вниз на ковбойку.

— Ну, эмм... — слова сумеречной пони испугали рыжую. – Да. Пож... пожалуйста? Принцесса ночи тяжело вздохнула. Было отчетливо видно, что Луне очень сильно не хотелось затрагивать тот бешеный волчок мыслей в ее голове. Однако какой у нее есть выбор: заставить пони следовать за ней – это еще больше усугубит положение, а времени на уговоры нет тем более. Сказать правду – самый лучший, но одновременно самый неприятный вариант.

— Много лет назад, когда еще Эквестрии не существовало, на этих землях творились страшные деяния, — загадочно начала свой рассказ принцесса. – Казалось, сам мир состоял из страха и отчаяния. Пони, грифоны, драконы... Никто не ценил того, что есть у нас сейчас: любовь, дружба, радость, жизнь – это было чуждо им. В их душах царила только ярость и боль. Глупая вражда единорогов и земнопони превращала землю в выжженную пустыню. Грифоны и пегасы сходились в бессмысленных ожесточенных битвах ради клочка облака на небе. В их сердцах горела лишь одно желание – мстить. Мстить всем и каждому. И оборотни тайно главенствовали над ними. Они могли принимать любое обличие и легко вливаться в чужие ряды, тем самым подговаривая остальных на более страшные преступления. И однажды им удалось узнать об артефакте – мощном источниках магии, дарующих своему владельцу огромную силу. Мы с Селестией не могли допустить, чтобы их нашли. И были вынуждены их остановить... Луна опустила голову.

— Нам пришлось это сделать, — запнулась она на мгновение, но сразу же выпрямила голос. – Если бы они совершили затеянное, то ни гармонии, ни Эквестрии не существовало бы. Оборотни были изгнаны и преданы забвению, а артефакт перепрятан туда, где его никто не найдет.

— Эмм, простите принцесса, — в кое веки раздался подавленный голос Флаттершай. — Но..., но тогда зачем принцесса Селестия предложила Артему вновь отправиться на их поиски?

— Пока... — Луна нахмурила брови. — Пока я находилась в изгнании, Селестии приходилось очень нелегко: управлять страной, защищать ее и в тоже время следить за тем, чтобы артефакт не оказались в чужих копытах. Это стоило всех ее сил. И когда вам удалось победить Найтмер Мун и освободить меня от проклятия, мы с Селестией решили раз и навсегда закрыть вопрос по поводу артефакта. Мы приняли решение уничтожить или спрятать его туда, где никто и никогда не сможет найти. Но, как вы уже поняли, Стоун желал обратного. Тот орден, о котором вам рассказывала Селестия, решил, несмотря ни на что, помешать нам. И все что сейчас происходит, они планировали многие годы. Но появление Артема радикально изменило их планы.

— Почему? — раздался голосок Рарити.

— Просто... Артем, — Луна закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы. — Он... Раздался громкий скрип двери. В другом конце зала у огромной массивной двери показались тот самый стражник с разбитым носом и Пинки.

— Ух ты, здравствуйте принцесса Луна! — в своей манере удивилась Пинки, моментально оказавшись около аликорна. — У-у-у девочки, и вы здесь? А почему Рейнбоу валяется на холодном полу, и кто разбил все стекла?

Розовой кудряшка испуганно выпучила глаза и таинственно спросила:

— Я пропустила вечеринку?!

— Пинки, опять ты за свое! — не сдержалась Эйджей, но потом резко перевела взгляд на стражника. — А ну иди сюда, ты... сковородка на четырех копытах!

— Эплджек! — возмущенно окрикнула ее Рарити. — Кто тебя научил так выражаться? Это нехорошо!

- Нехорошо сейчас будет вот этому парню! — ковбойка, выпуская клубы пара, рысью кинулась к дверям.

Стражник, не понимая, о чем идет речь, застыл на месте. Наверняка полуразрушенный вид зала, разъяренная кобылка в шляпе, которая во всю прыть неслась на него, заставила жеребца впасть в растерянность. И за пару секунд, как его морда встретилась бы с копытом рыжей пони, раздался суровый голос принцессы:

— Немедленно прекратите!

Ковбойка, заскользив по полу, налетела на Пинки и стражника, породив кучу малу.

Кудряшка, продолжая бубнить себе под нос испуганные речи по поводу пропущенной вечеринки, которой и в помине не было, резко подскочила на копыта, раскидав гвардейца и Эйджей в разные стороны, и принялась бешено носиться по залу, нервно стуча зубами.

— Эплджек, что ты себе позволяешь? — строго обратилась к рыжей Луна. — Чего нам сейчас не нужно, так это хранильница, распускающая копыта налево и направо. Что на тебя нашло?

— Нашло то, что этот гад был вместе с тем стражником, который нас сюда завел! — фыркнула пони, указывая копытом на уже перепуганного до смерти жеребца.

— Ваше имя, гвардеец! — требовательно спросила аликорн.

— Сан... Санлайт... — промычал он. — Капрал Санлайт!

— Объяснитесь, капрал: почему вы привели сюда хранительниц элементов гармонии? — Луна сурово глянула на стражника. — Назовите мне вескую причину не обращать вас в камень?

— Я... я только исполнял приказ, ваше Величество! — залепетал он, словно провинившийся жеребенок. — Лейтенант Стоун Хуф, который считался пропавшим, час назад встретил нас на улице города — как раз в то время, когда начались поджоги, — и передал мне и сержанту Норд Стриму приказ принцессы Селестии, что хранительниц необходимо перевести в северную часть замка.

— И вы поверили ему? — разозлилась аликорн. — Какие же вы... пустолобы!

— Умоляю, Ваше высочество! — взмолился жеребец. — Я не хотел ничего дурного! Прошу, помилуйте!

— Хмм... ладно, — сухо фыркнула она. — Считайте это жестом моей бесконечной доброты.

— Спасибо, Ваше ве...

— Немедленно ступайте в гарнизон и объявите следующее: разыскать лейтенанта Стоун Хуфа и схватить его. Если он окажет сопротивление —, а он его окажет, — разрешено применить силу. Вам ясно?

— Так точно!

Жеребец, одаривая принцессу взглядами искренней благодарности, умчался в коридор. Принцесса Луна обернулась и запечатлела хранительниц с разинутыми ртами и глазами, переполненными ужасом.

— Что такое?

— Да просто... — икнула Эйджей. — Нечасто вас увидишь не в духе, принцесса. И оно понятно, почему.

— Неужели вы действительно поверили, что я собираюсь обратить его в камень? — сильно удивилась сумеречная пони, приподняв брови.

— Выглядело все весьма... правдоподобно, — добавила Рарити.

— Лучший способ узнать правду — это хорошенько припугнуть нужного тебе типа, — с некой ноткой лукавства добавила Луна, что вызвало еще больший страх в глазах кобылок. — Мне это как-то Артем сказал.

— А-а-а, тогда понятно, — облегченно вздохнула Эйджей. — Артем тот еще бугипони... эмм, то есть я хотела сказать...

— Что ж, раз вы все в сборе, я лично проведу вас в действительно безопасное место, — громко сказала принцесса и в тот же миг ее рог окутала синяя пелена. — Прошу вас, подойдите ко мне поближе.

Рарити и Флаттершай, подхватив сопевшую во сне Рейнбоу, приблизились к принцессе. Также поступили Эйджей и Пинки, последняя из которых уже перестала бубнить себе что-то под нос.

— Я действительно пропустила вечеринку? — с ужасом обратилась Пинки к ковбойке, на что та ответила раздраженным фырканием.

Яркая вспышка озарила зал на мгновение. И стоило ей померкнуть, как пони оказались посреди плаца дворца, по которому в привычной глазу спешке носились гвардейцы. Но заведя сумеречную принцессу, стражники, подобно статуям, замерли на своих местах.

— Ваше высочество, разрешите доложить? – обратился бурый пегас к принцессе. Луна кивнула в ответ. – От отряда, посланного полчаса назад в северную часть города, вестей нет.

— А что насчет того, что отправили в западную? О них что-нибудь слышно?

— Нет, ваше высочество!

— Не могли же они просто под землю провалиться?! – Луна стукнула копытом в землю. – Что по поводу пожара?

— Множественные очаги в западной и южной частях. Восточная почти не задета: пострадали лишь участки у рынка.

— Создайте щиты вокруг рощи в том районе и эвакуируйте туда всех, кто не успел или не может выбраться из города сам. Пошлите сообщения в Клаусдейл и Филлидельфию с просьбой прислать подмогу. И разгоните, наконец, эти злосчастное облако дыма над городом!

— Слушаюсь! – пегас отдал честь принцессе и умчался прочь.

На плацу вновь все зашевелилось: получив последние указания, солдаты, подобно муравьям, стали разбегаться в стороны. Луна окрикнула одного пегаса, пролетавшего в тот момент над ее головой, дабы узнать последние вести из города.

— Огонь, куда не глянь, ваше Милейшество! – запыхаясь, ответил он. – Тот, кто их устроил, явно не пожалел сил. Только потушим один пожар, как через квартал появляются еще два, словно параспрайты после кормежки!

— А где Селестия? – спросила аликорн. – Последний раз я видела ее здесь, прежде чем отправилась на поиски хранилищ.

— Принцесса отправилась в центр города, где огонь пылает сильнее всего. Мы уже собирались сопроводить ее, как она строго-настрого приказала нам оставаться здесь.

— Если там пылает, как в долине драконов, то правильно поступила, — кивнула она. – Не хватало, чтобы вы лишились крыльев. Вы свободны.

Не успела принцесса договорить последних слов, как у ворот замка раздался мощный взрыв. Несколько стражников, находившихся рядом, накрыло массивными обломками, остальных же повалило наземь от того мощного грохота, который можно сравнить только с десятью раскатами грома одновременно.

- Смерть лжеправителям! Смерть им!

Сквозь развороченные ворота проскочила группа из двух или трех десятков пони в темных плащах и с разъяренными криками. Большая часть стражников, еще не успев опомниться от такой сокрушительной взрывной волны, никак не могли встать на копыта и дать отпор захватчикам.

— Немедленно увести отсюда хранилища, живо! – гаркнула Луна на стоявшего рядом гвардейца.

— Мы не покинем, вас принц... — начала было противиться Эплджек, но суровый взгляд принцессы заставил ее передумать. Единорог, окинув взглядом кобылок, приказал им бежать за ним.

— Остальным сдерживать их! Без лишних жертв!

Но как только Луна произнесла свой приказ, как облака над ней прорезал яркий солнечный свет. Селестия, широко расправив крылья, грузом упала на землю, превратив

аккуратно уложенную брусчатку вокруг себя в груды камней. В тот же миг ее рог озарил куда более яркая вспышка, ослепив разъяренную толпу пони. И, подобно сетке, погромщиков окутала светлая пелена, пригвоздившая их к земле. Стражники с растерянными взглядами глазели на застывшие фигуры бунтарей, испуганно вертевших глазами.

— Это их сдержит... на время, — отдышавшись, сказала Селестия. — Луна, ты успела! Хвала небесам!

— Да, как же я могла иначе, — с улыбкой ответила она, слегка поклонившись сестре. — Но я до сих пор не понимаю, как ты узнала об этом?

— Я почувствовала тревогу, исходящую из их сердец, — Селестия бросила серьезный взгляд на свою сестру. — Придет время, и ты тоже этому научишься. А пока надо немедленно вывести всех из города.

— А как же другие жители? — тревожно спросила сумеречная.

— Я уже позаботилась об этом! — спокойно добавила Тия. — Все районы города, за исключением восточного, куда не добрался пожар, уже эвакуированы.

— Я как раз только что отправила туда солдат, чтобы они выставили щиты и собрали там тех жителей, кто не смог выбраться из города, — проинформировала Луна.

— Ты всегда схватывала на лету, — солнечная пони мило улыбнулась своей сестре, подарив ей смущенный румянец.

— Боже, какая милая картина! — раздалась чьи-то аплодисменты.

Принцессы обернулись. Около ворот, любопытно оглядываясь по сторонам, стоял Артем. Его руки были объаты пламенем и при каждом хлопке разбрасывали яркие синие искры в стороны. Побледневшее лицо с жутким шрамом на щеке, застывшая кровь на одежде вызвали непередаваемый страх в сердцах пони. Но самое главное — глаза. Они были наполнены звериной яростью, словно душа этого человека веками копила ее в себе, дабы в один день обрушить на все и вся.

— Артем?! — опешила Луна.

— О, королевские сестры личной персоной?! — удивленно крикнул он. — Такой прием мне уже больше нравится... в отличие от того задиры капитана.

— Что ты сделал с Армором? — нахмурилась Селестия.

— Просто открыл ему глаза... на все, — человек аккуратно перешагнул через брусочек дерева, который в тот же миг охватило ядовитое синее пламя. — Я просто не смог ему отказать! Ведь... сколько бы ты не старалась Селестия, правда всегда прорежется на свет!

От последних слов Селестию пробрал жуткий холод. В глазах принцессы, где пару секунд назад царил стойкость и уверенность, поселился страх и паника.

— Нет... не может быть!

— Еще как может! — зарычал человек. — Думала, раз твоя мамаша забросила меня на край мира и поставила дракона как охрану, на которого не действует магия, я не смогу выбраться? Эх, вот единственный прокол твоей мамочки был в том, что она забыла сказать об мне. Ах, погодите! Она не забыла сказать — ей просто стало наплевать, и она бросила вас, предпочтя сдохнуть в одиночестве.

— Луна, не слушай его! — взволнованно проговорила Селестия. — Это не Артем. Не

слушай его!

— А что насчет тебя, Луна? – человек перевел свой опустошающий взгляд на сумеречную пони, отчего ту словно пробило молнией. – Как твоя сестренка поступила с тобой, когда тот же недуг, что скопытил вашу мамочку, стал губить и тебя? Сослала на эту холодную штуку, что висит в небе вместо того, чтобы помочь! Хорошая родня, ничего не скажешь.

— Что ты сделал с Артемом? – закричала Луна.

— Дал ему то, что он заслужил, — улыбчиво ответил он. – А вы вообще знаете, кто ваш друг?

В ответ последовало молчание.

— Так я вам расскажу! – с восхищением крикнул он, толкнув стоявшего рядом «застывшего» пони. – Скажу честно, ничего более грустного, но в тоже время жуткого, я не видел!

— Луна, как только я подам сигнал, атакуй, — прошептала Селестия. Сумеречная пони, помедлив секунду, неуверенно кивнула.

— Он наивно полагал, что вы — его друзья, — с ехидной улыбкой промолвил человек. – Верил до последнего, что пони – друзья убийцы! Нет... совсем не звучит.

— Чт... что ты сказал? – ужаснулась Луна.

— Давай!

Рог Селестии и Луны, соединившись яркой дугой, озарил яркий белый свет. Луч с огромной силой полетел в сторону человека. Раздался громкий хлопок. В воздухе повисла густая белая дымка. Но спустя мгновение ее прорезала яркая синяя полоса пламени, раскидавшая принцесс в разные стороны. Стражники в тот же миг бросились на защиту своих повелительниц, но человек отбрасывал в стороны, словно мячики для тенниса.

— Луна, еще ра...

Не успела Тия договорить предложение, как яркая синяя дымка окутала правительницу, вызвав у нее жуткую боль. Старая боль, потаенные страхи, похороненные глубоко в ее сознании, стали вырываться наружу. В глазах Селестии вновь промелькнул тот день. Во всех деталях. День, когда ей пришлось изгнать свою сестру. День, когда внутри нее умерла частичка души.

— «Как ты могла так со мной поступить, Тия?» – с истерикой кричала Луна в облике Найтмер. – «Как ты могла так поступить со своей родной сестрой!»

— Нет! – упрямо ответила Селестия. – Я не куплюсь на этот трюк!

— Тогда...

Внезапно человек издал жуткий визг, от которого уши в прямом смысле способны завернуться в трубочку. Он схватился руками за голову и принялся нервно махать ею в стороны, рыча от злости.

— Мальчик хулиганит! – противно зашипел он. – Нужно его наказать! Никак не хочет угомониться.

— Артем! – отчаянно закричала Луна. – Если ты меня слышишь, прошу тебя – не дай ему завладеть тобой!

— Он уже мой, идиотка! – закричал человек, посылая очередной язык пламени в сторону аликорна. – И ни тебе, не твоей сестре не вернуть е...

Человека вновь скрутило от боли, повалив на пол. Он стал активно колотить руками по

земле, подобно черепахе, которая перевернулась на спину и пытается встать на лапы. Он вновь и вновь пытался встать на ноги, но невидимая сила швыряла его обратно в объятия холодной земли.

- Я ДАЛ ТЕБЕ ТО, ЧЕГО ТЫ ХОТЕЛ, А ТЫ ПРЕДАЛ МЕНЯ! НИЧТОЖЕСТВО!

Что мы чувствуем, когда умираем? Сожаление о несовершенных подвигах? Обиду за тот единственный упущенный момент, подаренный нам самой судьбой? Умиротворение и покой, на худой конец? Та... Все те бредни, которыми старики били мне по ушам, пока я работал в доме престарелых оказались сплошным бредом.

«Ты ощущаешь лишь холод, боль и огромную злобу. Настолько огромную, что хочется видеть весь мир в огне и плевать на все и вся!» — проворчал как-то один дед с жутким шрамом на щеке и облезлым виском.

Почему я вспомнил эту богадельню? Это двухэтажное шаткое здание, построенное в конце двадцатого века, которое пора снести с лица земли? Да, звучит мерзко и бессердечно, но всему есть предел. Да и вообще селить стариков в эту лачугу уже преступление. Небольшой толчок, которые в последние годы случались все чаще и чаще у побережья, и зданию хана. Вместе с бабульками и дедульками.

Точно... Я вспомнил, почему у меня в голове вертится этот дом престарелых.

Постановление суда, едрить его! Меня приговорили к семи месяцам общественных работ за потасовку, которую я устроил в колледже, когда сломал нос и ребро одному не следящему за языком пустозвону. А оказалось, что этот говнюк – сынок богатенького папаши, владеющего последними нефтяными месторождениями в Персидской республике.

Как я помнил из пар по истории — когда заваливался спать на последнюю парту, — эта страна появилась в тридцатом году, после окончания второй ирано-иракской войны, и представляла собой объединение Ирака, Ирана и Сирии. Последняя держава просто не смогла не отказать своим соседям. Ведь мир – это здорово! Да, да очень здорово!

Особенно, когда к твоему виску приставлено дуло пистолета американского производства. Видите ли, тогдашний президент этих «иракских фанатиков» — как он сказал по телику, — «осознал, что стране будет выгодно вести отношения с западным коллегой, дабы подняться на ноги после четвертой волны экономического кризиса». Короче говоря, америкосы в очередной раз спровоцировали войну, заставив президента Ирана обзвать иракского лидера «вторым Хусейном» Америка, естественно, не могла допустить жертв среди гражданского населения и вступила третьей стороной «в целях быстрого разрешения конфликта мирными целями»

Мирными целями? Да американские солдатики перебили там больше арабом, чем иранцы и иракцы вместе взятых. А что сказали по телику? Верно: американские силы уничтожали террористов, вызывающих волнения в стране и призывающих население к еще большему насилию. Пиндосы, чтоб их! Готовы залезть в любую страну и устроить там хаос, лишь бы высосать из нее нефть и по-тихому свалить. Как однажды и случилось с Египтом в середине двадцатых годов. Жаль этих любителей Сфинкса...

Что-то я впал в историю.

Короче, этот богатенький ублюдок наплакался своему отцу, мол, его побил плохой

мальчик, накажи папочка. И как же отказать единственному сыночку? Меня выперли из колледжа и хотели дать два года за нанесение тяжкого вреда здоровью. Тяжкого вреда?! Да попробовал бы этот педик в костюме за штуку баксов пройтись ночью по ночному Бронксу. Ребро и сломанный нос – ему бы еще крупно повезло. Вот мне там как-то нанесли реальный тяжкий вред здоровью. Но ничего. Зато пару недель повалялся на обеспечении нашего щедрого государства, и Мар приходилось меньше тратиться на еду. Шучу...

В общем, Маргарет, спаситель мой, виртуозно как фигурист на льду, нашла уловки и проемы, дабы списать мой выпад на состояние «аффекта», типа сынок богача грубо высказался по поводу моих покойных родителей и прочее бла-бла-бла. Мне дали эти несчастные семь месяцев исправительных работ, но из колледжа поперли все равно. И знаете что... ночной Бронкс показался мне тихим местом, когда Маргарет принялась судить меня «лично» после постановления суда. Жуть.

Никогда! Не буду! Ее! Злить! Себе дороже.

И эти месяцы я, как истинный и самоотверженный любитель переводить бабушек через дорогу, следил за этими старыми калошами, которых сюда упекли их любящие сынки и доченьки.

И один такой переход кончился трагично... для меня. Какой-то хрен на БМВ, болтая по телефону или еще что, не знаю, не заметил красный и понесся дальше. А тут я с бабкой. Если помрет она – меня снова под суд. Если помру я... ну что, не повезло. Толкнув бабку на тротуар, я гордо принял на себя удар железного коня. Коня... пони...

— Эмбер! – я резко открыл глаза.

— *Срань господня!* – испуганно вскрикнула уборщица... в палате больницы?

Какого хрена я делаю в этом месте, и что тут делает эта чернокожая любительница покурить, пока пациент спит? Я что спал? А может, я до сих пор сплю! И это еще сон? Сон внутри сна или еще какая хрень. Господи, как кружится голова. Ничего не могу сообразить.

— Черт подери! – весьма выразительно ругнулась она, завидев свой недокурный косяк на полу. – Эта травка стоила двадцатку! Стоило найти место, где можно спокойно покурить, и то... Ну чего уставился?

— Где... где я? – растерянно спросил я, поглядывая на эту черномазую. – Что со мной случилось?

— «Что со мной случилось?» — кривлялась она. – По сторонам смотреть надо, когда дорогу переходишь.

— Меня что, машина сбила? – мозаика в моей голове потихоньку складывалась.

— Нет, ты сам башкой об асфальт решил стукнуться! – продолжала язвить она. – Конечно, машина! Вона, почти полгода провалялся, как спящая красавица.

— Полгода... — не веря в услышанное, прошептал я. – Черт, ничего не помню.

— Хах! Удивительно, что вообще проснулся! – она подняла окурочек и бросила в тележку со швабрами. – Ладно, сейчас врача позову. А про косяк – ни-ни! Иначе я тебе устрою райское пробуждение!

Черномазая угрожающе наставила на меня швабру и выскочила в коридор. Вот тебе и пробуждение: я ничего не помню до инцидента с БМВ, мне угрожает негритянка-швабрист,

покуривающая дурь... все как всегда.

«Привет тебе, безумный мир!» — усмехнулся я, поглядывая в окно.

На дворе стояла зима. Снег валил большими хлопьями, которые подхватывались ураганным ветром. Солнце скрылось за свинцовыми тучами, из-за чего силуэт небесного светила едва проглядывался сквозь эту густую пелену. Я воспринял такую непогоду весьма радушно: в моих глазах и так какие-то круги или ромбики из света плавают, а если б тут этот природный фонарь в небе во всю силу, ослеп бы к чертовой матери.

— С пробуждением тебя, парень! — в палату с радостным взглядом вбежал двухметровый шатен с неплохими мускулами, которые проглядывались даже сквозь халат. Неужели за полгода развелось так много баскетболистов, что им теперь деться некуда? — С прошедшими тебя праздниками!

— Чего-чего? — доходило до меня ох как плохо. — Какие праздники?

— Новый год! — воскликнул он, бросая планшет с бумажками на тумбочку. На его лице появилась испуганная гримаса. — Только не говори, что ты все праздники забыл?

— Да нет, я помню, — проскрипел я. — Просто туго соображаю.

— Полгода побудь в коме — у любого каша в голове будет твориться, — засмеялся док. — Ну, как ощущения? Ничего не болит?

— Башка только, — я постучал по виску пальцем. — А так... если честно, то хреново чувствую.

— Во, это больше похоже на правду! — приободрился он. — Ну что, звонить твоей подружке или подождать?

— Какой подружке? — господи, что он травит меня вопросами? Издевается что ли?! Я и так ни хрена не помню, а тут допрос какой-то.

— Мда, все слишком печально, — он грустно улыбнулся. — Ладно, я сам позвоню. Ты только номерок подскажи?

— Вы издеваетесь?

— Прости, парень, — сдерживая смех, промямлил он. — Просто ты не поверишь, как тут скучно.

— А, значит давить кому-то на мозги после комы весело, да? — напыжился я.

— Все, прости, — засопел док. — Не переживай, я сам позвоню твоей красотке.

Следующие несколько минут врач осматривал меня с головы до пят: руки, ноги, двигаются ли все пальцы и все такое. Что меня убило сильнее всего, так это его подколки насчет половой функции. Он стал спрашивать, есть ли у меня навязчивые мысли, связанные с девушками или не с девушками. Черт, да это не больница, а дурдом какой-то!

— Да чего ты такой серьезный? — расхохотался он, снимая с моей руки тонометр. — У нас вообще такой случай был: однажды дед лет под шестьдесят впал в кому на год после инсульта. А когда очнулся, знаешь, чего он захотел первым делом?

— Эмм, гамбургер?

— Бабу! — с широко распахнутыми глазами воскликнул он, словно это — открытие века. — После долгого сна, у деда что-то в голове переклинило, и он стал каким-то половым агрессором. Представляешь? А его жена при этом рассказывала, что у него последние десять лет были нелады со своим дружкой, а тут на тебе: «Бабу мне, бабу!» Не было бы счастья, да несчастье помогло, верно?

— А меня это как касается?

— Да просто так, — он пожал плечами. — Ладно, отдыхай. Я позвоню твоей барышне. Думаю, к вечеру она приедет.

Однако не прошло и получаса с нашего разговора, как Маргарет с растрепанным видом, словно после родео, сидела на моей кровати и лила слезы, коря себя за то, к чему не причастна. Она редко позволяла вот такие эмоциональные порывы. Адвокат, как-никак — хладнокровное и беспринципное слово закона.

— Господи, и зачем я тебя на это подписала?! — вновь всхлипнула она, уткнувшись в мое плечо.

— Ну все, Мар, заканчивай, — я ласково провел рукой по ее волосам. — Проснулся же, уже хорошо.

— Да, это точно, — спустя пару секунд, она вытерла слезы и отсела чуть назад. — А то замаялась я уже этого Чарли из кровати выгонять.

— Какого еще Чарли? — я удивленно вскинул брови.

Через неделю, после бесчисленного множества анализов и проверок на соображалку, меня выписали из больницы. Напоследок, я вновь повстречался с той чернокожей марихуанщицей, махнув ей на прощанье рукой, на что она ответила, показав мне средний палец. Черт, какая же она стерва.

И вот, я поднимаюсь по ступенькам... седьмого этажа. Черт бы побрал этих лифтеров! Пару раз казалось, что меня сейчас вывернет наизнанку, ибо после долгого сна даже такое дело казалось титаническим трудом. Сделав глубокий вдох, больше не от волнения, а от усталости, я вновь переступил порог своего дома.

Вещи всегда кажутся другими после долгого отсутствия. Вроде бы все тоже, но что-то все-таки не то. Некогда широкая прихожая с обрамленным в золотую рамку зеркалом — позолота конечно, — казалась узкой хибаркой. Запах восточных благовоний, которые любила Маргарет, сменился на аромат цветов.

— Чарли, иди сюда! — крикнула Маргарет, закрыв за собой дверь.

С того момента, как я узнал имя этого охламона, который наверняка отжигал в постели с Маргарет каждую ночь, меня терзало жуткое желание увидеть этого гада и начистить ему рожу. А почему? Хрен его знает! Ведь Маргарет для меня все равно, что старшая сестра. И если бы я узнал, что моя сестренка спит невесть с кем, то явно не обрадовался этому. А хотя... Мар не какая-то там молоденькая простушка. Ей за двадцать пять — пора уже муженька искать, иначе так одна и останется. Да и характер у нее вполне милый... если не злить и не заставлять вспоминать про красный пояс по тхэквондо.

Мои размышления прервал залиvistый лай. Ваза, стоявшая у входа в гостиную, угрожающе задрожала. Люстра на потолке последовала ее же примеру, что заставило меня заволноваться. И не успел я полностью осознать происходящего, как на меня налетел здоровенный светлый лабрадор, подпрыгнув на задние лапы, и повалил на пол.

— Артем, знакомься — это Чарли.

Она приобрела это тридцатикилограммовое чудо после, эээ, инцидента со мной. Ее друзья посоветовали завести домашнее животное, чтобы легче перенести стресс, да и чтоб скука не заела. Но по тем рассказам, которые мне травил Маргарет за кружкой чая, ей явно было не до скуки: этот звереныш, когда вымахал до нехилых размеров, вечно

сталкивал ее ночью с кровати, брыкаясь во сне. А во время прогулок, Мар едва могла удерживать его, чтоб тот не сбежал. Как-то раз, он даже кисть ей вывернул...

Прошел еще месяц. Я более-менее вернулся в реальность и стал потихоньку зависать на прогулках по парку. Ладно, чего юлить, не на голубей я там пялился. Однажды во время утренней прогулки, я пересекся взглядом с одной весьма обворожительной бегуньей. Рыжие волосы — даже если не алые, — заплетенные в косу, милый носик, стройная талия. Но что меня тронуло больше всего — это ее... янтарные глаза. Да, да, именно янтарные. И эти глазки зацепили меня так, что внутри что-то екнуло. Просто ёк и все. Ни туды, ни сюды.

И вот она пробежала мимо меня. Мы обменялись короткими взглядами, которые никак не выходили из моей головы. Я решил каждое утро бегать в парке, дабы скрыть от Маргарет мои частые причины ухода. Проходил день, за ним другой... Но эта янтарная незнакомка как назло не появлялась. Поначалу, я думал, что она сменила время или маршрут. Но после недели беготни по всему парку с пяти утра, я понял, что все напрасно.

Я присел у фонтана на главной аллее и тяжело вздохнул, вспоминая взгляд этой алой бестии, что не давала мне покоя уже который день. Когда мои пробежки по парку неожиданно кончились, Маргарет ехидно спросила:

— Что, набегался?

— Издеваться вздумала? — буркнул я.

— Хе-хе! — она повисла у меня на спине, заставив скрючиться от такой ноши, и я упал на пол. — Признавайся, кто она такая?

— В смысле, — юлил я. — Не понял?

— Артем, не делай из меня дуру! — вспыхнула она от любопытства. — Кто эта девушка, за которой ты бегаешь?

— Ну... не знаю, — отчаянно вздохнул я, припав спиной к дивану. — Я обегал весь парк десятки раз, но больше не видел ее.

— И ты решил бросить это дело?! — возмутилась она. — Девушки предпочитают упорных! Думал, что раз пробежишь и найдешь? Хах, наивный!

— И сколько я, черт подери, должен колесить по парку? — разозлился я. — Или мне годами теперь там бегать, как Форест Гамп?

— Если ты в нее по-настоящему влюбился — побежишь, как Форест Гамп.

Маргарет мило улыбнулась, постучав меня по ноге, я отвернулся в сторону. Вот еще! Бегать за какой-то бабой по парку! Да их таких сотни! Господи, какой же я был пустобрех, когда рьяно доказывал Маргарет о том, что найду себе получше.

Еще через месяц, я, наконец, вернулся на работу... точнее на каторгу. Из-за случившегося со мной инцидента, мне списали оставшийся срок с четырех месяцев до одного... какие добродетели, ядрена мать! Однако больше не доверяли переводить бабушек через дорогу. Мол, хватит мне, чуть не довел себя до могилы. Я повстречал ту злополучную бабку, по вине которой попал в кому. Она, вместо того, чтобы сказать слова сожаления или простое «прости», обложила меня неслабым матом за сломанную тогда лодыжку и еще вдогонку фак показала. Я бы непременно послал ее еще дальше, но она так смешно выглядела, когда ругалась, а ее кряхтения... я чуть сам со смеху не помер.

И все было бы также скучно и печально, если не случилось то, что всколыхнуло мое

сознание. Я вновь увидел ее. Эту алую косичку, янтарные глаза, слегка бледноватые щечки. Меня одновременно пробила и злоба, и огромная радость: я, как идиот, носился днями по парку, а она тут задницей вертела?! Вот именно! Она все время была здесь, прямо у меня под носом. И как я ее не углядел?

— Билли, а кто это? – обратился я к дежурному, кивая в сторону алой красавицы.

— Кто именно? – я повернул его голову в сторону незнакомки. – Ааа, ты про Эмми? Она тут недавно: перевелась сразу после того, как ты в «отпуск» упал. Что понравилась?

— Просто видел ее пару раз в парке, — с наигранной скукой ответил я. – Вижу, лицо знакомое.

— Да ладно тебе! – он пихнул меня в плечо. – Я целый день вижу, как ты на нее глазеешь. И она, судя по всему, тоже на тебя глаз положила.

— На меня? – встрепенулся я. – Не разыгрывай.

— Я подарю тебе карточку Хонуса Вагнера, если это не так! – воскликнул он. Я неодобрительно шикнул на него. – Поверь мне, ты ей нравишься! Ща, погодь.

— Билли, не надо! – я испуганно вцепился в плечо парня, когда тот направился в сторону Эмми. — Да и что я ей скажу?!

— Ты что, деревянный? – сострил он. – Придумаешь!

Билли одернул плечо и вырвался из моих окоченевших от страха рук. Он спокойно подошел к Эмми и завел с ней ничем не принужденную беседу про сегодняшних новых постояльцев, постоянно уводя тему в мою сторону. Когда же прозвучало мое имя, Эмми удивленно раскрыла глаза и повернулась в мою сторону. Я испуганно одернул голову и стал рьяно листать старый журнал, который валялся на столике Билли.

«Черт, я как дите сопливое! Как бродить по Бронксу – это мы можем, а вот девке в глаза посмотреть... слабак!»

— Привет!

Я подскочил на месте, порвав журнал со страха в клочья. Сердце чуть из груди не вылетело. Я испуганно обернулся и увидел Эмми, стоявшую рядом со мной с перекошенными бровями.

— Ты в порядке?

— Да, я, эээ, как это... — мать твоя женщина, скажи что-нибудь?! – А! Я немного коматозник, поэтому туплю немного!

Е**ный стыд!!! Что ты говоришь?! Заткнись! Заткнись! *Заткнииись!!!*

— Да, не повезло, — кисло улыбнулась она. – Я слышала о тебе. Это немного... жутко. Она подозвала меня поближе к себе и прошептала:

— Если честно, я на твоём месте не решилась спасти ту старуху тогда на дороге. Она гадкая.

— Ну видишь, я немного, эмм, *того*.

- Да все мы немного *того*, – она с улыбкой повертела пальцем у виска. – Я полностью нормальных людей еще не видела за всю жизнь.

— А можно вопрос? – смущенно спросил я.

— Приличный? – она наигранно нахмурилась.

— Да, да! – заволновался я, на что она отреагировала тихим смешком. – Я как то видел тебя в парке, но потом ты перестала бегать... почему?

— Ты что, следишь за мной? – она нервно улыбнулась. Я испуганно замотал руками, мол, ничего такого и не думал и в помине. – Да расслабься ты! Чего ты такой дерганый?

— От комы не отошел, — оправдывался я.

— Понятно, — она сухо улыбнулась. – Ой, ты извини, теперь я ненадолго отойду, окей?

— Окей, — я улыбнулся ей напоследок.

Эмми отошла в другой конец холла к еще одной девице, которую я не знал, видимо тоже новенькая, и принялась активно с ней щебетать, иногда поглядывая на меня. Внезапно позади меня раздался противный голос той самой бабки, из-за которой я угодил под колеса:

— А теперь чего тупишь? Пригласи ее на свидание, придурок!

— Было бы все так просто, — тяжело вздохнул я.

— Это ты просто накручиваешь! В твои годы, я всюю зажигала в клубах и с парнями в обнимку гуляла. А твоими темпами девки тебе еще лет десять не дадут.

— Ты совсем рехнулась, старая? – раздраженно бросил я. – Пошла отсюда!

— Ай, катись в задницу! Я ему помочь пытаюсь, а он еще скалится, хамло!

А что если и вправду пригласить? Хуже комы точно не будет... надеюсь. Я, набрав полную грудь воздуха и еще больше храбрости, неуверенно зашагал в сторону все еще болтающих девушек. Стоило мне подойти к ним ближе, как их разговор моментально стих. Эмми удивленными глазами смотрела на меня и кивнула головой, мол, «чего хотел?»

— Эмм... Эмми, а... ты смотрела новый фильм про парня, который попал в другой мир и где его в плен взяли говорящие звери?

— Ааа, ты про этот, – протянула она. – Да нет еще. Времени не было.

— А ты не занята завтра вечером? – да лучше на завтра, иначе я к концу дня снова в кому впаду. – Могли бы сходить.

— Ммм, вот завтра я как раз занята, — грустно ответила она. Я выдал грустную ухмылку. Провал. – Встречаюсь с одним коматозником.

— Ясн... Чего?

— Завтра в восемь у кинотеатра на пятьдесят пятой улице, — она деловито постучала мне по плечу. – С тебя билеты и картошка фри. Не люблю попкорн.

— Д... да, он вечно в зубах застревает, – дебилливо улыбнулся я, на что Эм отреагировала сдержанным смехом. Эм? А что, прямо как в фильмах про Бонда.

Весь следующий день, который оказался как назло воскресеньем, я провел в тревоге и панике. Гребаный стыд, ведь не в первый раз с девушкой в кино иду, а ощущение складывается, что в первый. Меня телепало с головы до пят. Маргарет аж заволновалась настолько, что решила звонить врачу, но я, слава богу, успел ее отговорить.

— Может немного виски? – предложила она на полном серьезе. – Нервы успокоишь.

— Не, перед свиданием не пью, – принципиально ответил я.

— Небось, буяннить начнешь? — Мар подло улыбнулась.

— Да ну хватит! – завелся я. – Шуточки у тебя какие-то пошли... неестественные.

— Что значит «неестественные»?! – запротестовала она. – Ты только с того света вернулся! Конечно, я немного растеряна и веду себя по-другому. А тем более зная о том, что у тебя появилась подруга.

— У нас еще ничего не завертелось, — сухо ответил я, роясь в холодильнике. – Не

торопи события.

— Так я наоборот хочу, чтобы у тебя с ней что-то сложилось, — в голосе Маргарет послышались нотки грусти. — Особенно после того, что у тебя было в...

— Так, не понял? — я нахмурился. — Ты это о чем?

— Артем, ты уже не маленький — все сам понимаешь, — руки Маргарет едва заметно задрожали. — После того, как ты оказался в коме, я сильно переживала. За тебя, за нас. Ведь... я до сих пор помню, тот день, когда я подобрала тебя на шоссе. Ты стоял и дрожал, а когда я вышла из машины... ты чуть не кинулся наутек. И когда тебя чуть не стало, я...

— Маргарет, к чему этот разговор? — я попытался нащупать эту невидимую нить, которую она сейчас тянет ко мне.

— Понимаешь, твоя прошлая жизнь, ну она... короче дерьмо еще-то. И я не хочу, чтобы «эта» жизнь давила на тебя в будущем. Я лишь хочу, чтобы ты поскорей забыл о ней и жил дальше. И вот у тебя появился такой шанс! Я просто очень рада за тебя, Артем, но в тоже время немного грущу.

— Хех, почему? — удивился я, присаживаясь на стул.

— Ты для меня, как младший брат, Темка, — она мило улыбнулась. — И вот я вижу, как ты уже вырос, нашел девушку, которая действительно зацепила тебя за душу, а не за кое-что другое.

— Мда, это звучит крайне романтично, — скривился я.

— Я просто не могу поверить, что у тебя все в кое веки хорошо складывается.

— Я тоже... — задумчиво ответил я. — Тоже...

— Что-то не так? — заволновалась она, подойдя ко мне ближе и присев напротив.

— Просто... очень удивительно, как хорошо все складывается, — пояснил я. — Раньше моя жизнь больше походила на какую-то свалку, а после комы все пошло в гору. Я понимаю, что у людей после такого бывают сдвиги. У одних в плохую сторону, у других в хорошую. Но... все так легко и непринужденно. Сам не могу поверить в это. Внезапно в моей голове пронесся чей-то крик. Едва слышимый, словно кто-то отчаянно кричал за толстой стеной, пытаюсь достучаться до меня. Я тряхнул головой, отбросив этот звон в голове подальше. Признаюсь, за последние пару недель у меня бывали такие «крики в башке», но это все, скорей всего, отходняк после комы. Но самое странное было то, что голос кричащего казался мне знакомым. Словно, я когда то слышал его. Этот женский благородный голос. Даже немного королевский. Ибо в нем чувствовалось величие и огромная гордость. Непередаваемая мощь и мудрость.

— С тобой точно все хорошо? — Маргарет приложила ладонь к моему лбу. — Вроде температуры нет.

— Температуры точно нет, а сушняк в горле есть, — пошутил я, дабы развеять атмосферу той драмы и напряженности, что царила в воздухе. — Нальешь чего-нибудь?

— Да, конечно! — радостно ответила Мар, подскочив к холодильнику. — Чего тут у нас есть? Виски, кола, рассол... так, это мое. О, твое любимое — апельсиновый сок.

И тут меня всего пробило неестественным холодом. Правая нога противно онемела, превратившись по ощущению в мешок иголок, противно колющий все тело. Я тяжело задышал. В голове что-то завертелось. Что-то, что я спрятал ото всех, даже от себя

самого. Что-то весьма страшное и плохое, что я укрыл глубокой завесой глубоко внутри, дабы никто не мог это найти.

Апельсины... как я их... ненавижу. Да точно, ненавижу. С того самого дня, когда нечаянно пролил стакан сока на ковер отчима, и она заставил меня всю ночь выдраивать его до блеска. До обморока. До того, пока я не захотел умереть... В самый первый раз.

Внезапно за стол передо мной присела та самая проводница, которую я убил во время первого «дела» Ее окровавленное лицо и стеклянные глаза были наполнены холодом и смертью. Я попытался закричать от ужаса, но не смог выдать и звука. Она протянула ко мне руку.

— Ты всегда мечтал о таком, — безжизненно проговорила она. — Нет боли, смерти, разочарований. Но заслужил ли ты такую жизнь после всего, что сделал? Достоин ли ты такого подарка?

— О чем это ты? — я попытался освободиться из ее окоченевших рук, но не смог пошевелить и мускулом.

— За иллюзии расплачиваются действительностью, Артем, — ее взгляд прошивал меня насквозь. Она все сильнее и сильнее сжимала мою руку. Холодно... как холодно. — Пора тебе вернуть долг.

Внутри моего сознания началась канонада. Вспышки, взрывы, выстрелы из пистолетов и автоматов. Такое ощущение, что туда нагрянула вся вторая мировая. С бешеной скоростью в ней проносилась моя... настоящая жизнь. Лица тех людей, кого я убил за те восемь кровавых лет. Мрачное выражение лица Марка, обозленная на весь мир Джейк. Их безжизненные лица смотрели прямо на меня. Людей становилось все больше и больше. Одни улыбались, другие лишь укоризненно качали головой. Они обступили меня плотным кругом и стали шептаться между собой. Их голоса сводили меня с ума. Я так долго не вытерплю!

— Пора вернуть долг, — тихо промычал я.

— Что ты сказал? — обратилась ко мне Маргарет.

В голове, словно воцарила буря. Воспоминание об отчине, моей настоящей «работе» подобно тарану, разносили теплую завесу добра и счастья, что крутилась вокруг меня все эти месяцы. А точно ли это были месяцы? Я посмотрел в окно. На улице всюду шпарило... лето? Но как такое возможно?! Ведь с момента моего пробуждения не прошло и трех месяцев? Ведь это Нью-Йорк, а не какое-то Майами! Сейчас весна и мегаполис должно заливать, словно из ведра. Но на небе не оказалось ни облачка. Прекрасный летний денек..., но никак не весенний.

— Артем, с тобой точно все хорошо? — почему она сделала ударение на это слово?

— Маргарет, я не рассказывал тебе о случае с ковром? — я резко переменял тему, встав со стула.

— Это ты про тот, под которым я нашла у тебя сотню баксов? — шутливо переспросила она. На момент мне показалось, что она слишком громко стучит пальцами по столу. — Так я ведь тебе их вернула.

— Нет, не про это, — отмахнулся я. — Про отчима.

— Н... нет, — взволнованно ответила «сестренка». — А может не стоит заводить эту тему? Тебе же скоро на свидание.

— Оно подождет, — я задвинул стул. — Однажды под вечер, отчим подозвал меня к себе. Я медленно направился к нему, не зная чего ожидать: удара в живот, по ребрам или еще чего подобного. И я так разволновался, что невольно споткнулся об край ковра, при этом пролив на него стакан сока, что держал в руках. Отчим рассвирепел, подобно зверю, и, схватив меня за шкуру, протащил в ванную, а затем бросил туда ковер.

— Зачем ты это мне говоришь? — испугалась Маргарет.

— Он стоял надо мной, подобно палачу, который ждал малейшего повода отрубить мне голову. А я драил маленькой зубной щеткой... своей зубной щеткой ковер его мертвой матушки. Я просидел на холодной плитке до поздней ночи, пока не ощутил, что теряю сознание. А он продолжал стоять надо мной, даже не пошатнувшись, постукивая мне по голове всякий раз, когда я клонился ко сну. И тогда он, вдоволь насытившись моими мучениями и беспомощностью, выхватил ковер и запер меня в ванной. Я в тот же миг упал на плитку, которая казалась мне мягче любого ковра на планете.

— Артем, ты меня пугаешь! — задрожала Маргарет, подойдя ко мне вплотную и положив руку на плечо. — Зачем ты вновь вспоминаешь былую боль?

— Потому что она реальна, — я незаметно выхватил из подставки, стоявшей за моей спиной, кухонный ножик. — А ты — нет.

— Что ты такое несешь?! — она отпряла от меня, но я схватил ее за руку и обнял.

— Я ненавижу апельсиновый сок, — прошептал я ей на ухо, вонзая нож в живот. — Настоящая Маргарет знала. С первого дня, как приютила меня...

Глаза женщины наполнились слезами от боли. Она тяжело задышала и упала на пол. Я склонился над ней и посмотрел на нее, сказав:

— А сейчас я вижу перед собой фальшивку.

— Артем... прошу! — задыхаясь, молила она. — Ты не ведаешь, что творишь!

— Второй раз этот фокус у тебя не прокатит, — я вновь замахнулся ножом.

Но, не успев нанести удар, как с жуткой силой полетел через гостиную. Меня повалило за диван, где я увидел Чарли. Но только вместо той добродушной жадной морды, что ему присуща, я увидел псину, злобно клацавшую зубами и пускающую слюни, подобно бешеному зверю.

- И еще у Маргарет была аллергия на собак.

Чарли бросился на меня, широко разинув пасть... слишком широко, но налетел на выставленный мною нож. Псина жалобно завывала и активно застучала лапами по полу. Я вонзил лезвие ему в пасть так глубоко, что не смог вытащить его обратно. Отшвырнув пса в сторону, я выглянул из-за дивана. Но вместо окровавленной Маргарет на полу, застал пустую квартиру.

— Эй, Маргарет! — окликнул я ее. — А где же мой сок?

— Сейчас подам! — зашипела она у меня за спиной. Почему эти твари вечно появляются у меня за спиной?!

Меня вновь, словно мячик для пинг-понга, бросило в сторону, неплохо отбив спину.

Маргарет радикально переменилась в лице: тот румянец, что красовался пару минут назад, обернулся в холодные, даже «мертвые» оттенки, глаза наполнились безумием, а ее зубы... стали остры как бритва.

— Я дал тебе то, чего ты хотел, а ты предал меня! Ничтожество! — завизжала она жутким

голосом. Его голосом.

Маргарет – ну или то, чем она стала, — кинулась на меня, как Отелло на Дездемону, впившись своими холодными руками в мое лицо. Громкое, а порой оглушающее, клацанье ее зубов оглушало меня, а ее пальцы, словно пиявки, пытались проникнуть в мою душу, чтобы раз и навсегда упечь во тьму.

Я, оттолкнув это чудовище, схватил со стоявшей рядом тумбочки статую полуголой нимфы с кувшином в руках и со всего маху врезал по голове «ведьмы». Мар залилась истошным визгом, от которого кровь стынет в жилах, но, словно ни в чем не бывало, вновь кинулась на меня. Я отпрыгнул в сторону и рванул в ванную. Стоило мне замкнуть за собой дверь, как в нее с огромной силой влетела она. Деревянная преграда тяжело затрещала, щеколда готова была с громким свистом улететь в сторону. Я, зажмурившись, припал к двери, пытаюсь сдержать ту могучую силу, что скрывалась с той стороны. «Угомонись, черт тебя подери!» — со скрежетом зубов молил я.

— Открой, Артем! – заорала она. – Тебе пора на свидание... со смертью!

— Эта стерва потерпит! – проскрипел я, из последних сил удерживая дверь.

Не знаю, как она это сделала, но дверь попросту разорвало в щепки, а меня отшвырнуло в заполненную водой ванну. Эхх, бедная моя спинка. Сколько же ты уже пережила таких полетов? Не удивлюсь, если к сорока годам я буду горбатиться как вековой дед.

Маргарет с дикой улыбкой до ушей, которая могла бы посоревноваться с кривляньями Пинки, подскочила ко мне и вновь попыталась «по-сестрински» обнять. Поприветствовав ее ударом ноги по зубам, я выпрыгнул из ванны и схватил душевой шланг, обмотав его вокруг шеи все еще оглушенной ведьмы.

— Пора переходить к водным процедурам, — пояснил я, окуная Маргарет в ванну.

Топить человека – самый трудный способ убийства. По крайней мере, первая его часть. Жертва брыкается покруче дикого мустанга, пытаюсь сбросить тебя со спины. А учитывая боевой нрав «новой» Маргарет, то это оказалось еще сложнее. Она, пуская пузыри от злости, махала руками и пыталась упереться хоть во что-то, дабы столкнуть меня. И, как бы это грубо не звучало, но... мать вашу, что за паскудство! Я слишком сильно завалился на спину этой ведьмы и, потеряв равновесие, поскользнулся. Маргарет моментально вынырнула из воды, разорвав шланг, и схватив меня как мешок, швырнула в стекло над раковиной. Послышался звон осколков и треск керамики. Твою налево, во что эта скотина ванну превратила?

— Ты начинаешь надоедать мне, Артем! – отплеываясь от воды, зашипела она.

Я подскочил на ноги, прихватив осколок стекла в левую руку, приготовился к очередному раунду.

— Давай подружка! – оскалился я, подзывая ее рукой. – Хочешь меня убить? Придется постараться.

Маргарет, подобно психу, кинулась на меня, громко шипя и размахивая руками. Я, отвесив ей быстрый удар по лицу, прошмыгнул ей за спину и вонзил осколок в шею. Однако каково было мое удивление, когда она даже не вздрогнула, а только врезала мне локтем в нос. «Даже крови нет... нечисть поганая!» — насупился я, потирая нос и поглядывая на блестящий осколок стекла в шее Мар.

Она, подхватив мою идею, схватила осколок покрупнее и, подобно дилетанту, стала

размахивать им во все стороны. Я выпрыгнул обратно в гостиную, в которой непонятно почему потемнело. Маргарет последовала за мной, все еще продолжая рассекать воздух осколком. Пару раз она секанула меня по груди, когда я попытался заломить ей руку. И если честно, меня уже эта драка просто достала! Настолько, что я уже был готов сам тупо кинуться на эту ведьму и придушить собственноручно. Я, пытаясь не попасть под нож этого упыря, и при этом не налететь на какую мебель за спиной, бросал ей в лицо всякий мусор, что попадал под руку.

Когда же я оказался возле книжной полки, то — может все-таки ангелы решили помочь, — мне в руки попался какой-то толстенный том о судебной практике. В тот же момент я подставил книгу под удар стекла, который том сдержал на ура. Мне наконец-то удалось вырвать осколок из рук Маргарет, на что та отреагировала недовольным рыком. Схватив ее в тот же момент за затылок, я со всей злостью ударил эту суку об полку. Видимо я неплохо ее оглушил, так как она сразу же грохнулась на пол. Не дожидаясь с моря погоды, я повалил на нее весь гранит науки, что мирно ютился на полочках.

Рядышком со мной оказалась та самая статуэтка полуголой нимфы, только уже со слегка испорченной от удара фигурой. Я подошел ко все еще потерянной ведьме и, поставив ей ногу на грудь, сказал:

— Извини. Наша сделка отменяется.

Одним сильным ударом статуэтки, я разможил череп этой твари. Мда, все-таки искусство — сила. В тот же момент стены затряслись так, словно за стеной помчался товарняк. По потолку побежали мелкие трещинки и посыпалась штукатурка. Я отскочил в сторону, когда люстра подо мной тревожно зазвенела. И не прогадал: через мгновение она со свистом грохнулась на пол, рассыпавшись на сотню осколков и превратив то, что осталось от Маргарет в... короче это добило ее окончательно.

— А как отсюда выбраться-то?! — гаркнул я, в надежде, что меня услышит та самая проводница.

— Повернись.

Я обернулся и увидел... дуло пистолета. Я застыл на месте. Когда видишь перед собой вплотную приставленное оружие, непроизвольно впадаешь в ступор. Есть такой прикол в человеческой психологии: инстинкт самосохранения будто нажимает на кнопку «Выкл», а ты продолжаешь смотреть на кусок металла перед твоей рожей с одной мыслью в голове:

«Твою ж мать!»

Выстрел...

— Тия, сестренка, ты цела? — с тревогой обратилась Луна.

— Не... не дай ему подобраться к тебе! — задыхаясь, ответила она. — Не дай ему до тебя добраться!

— О чем ты?

Луна вновь посмотрела на человека. На этот раз он не брыкался, словно в конвульсиях, а мирно лежал на месте. Только теперь над ним парило небольшое синее облако пламени. Сумеречную пони пробил испуг. Когда-то она уже видела такое облако. В ту самую ночь, когда...

— «От людей слишком много проблем!» — раздался голос в сознании Луны. — «А что если попробовать...»

Не успела Луна понять, откуда доносится этот противный шепот, как облако с дикой скоростью, проскакивая между оторопевшими от увиденного пони, подобно змее, оказалось рядом с принцессами.

— Луна, беги! — истошно крикнула Тия, оттолкнув от себя сестру. И в ту же секунду облако пламени накрыло солнечную пони.

- *Тия!!!*

Болезненный крик Селестии привел Луну в ужас. Крик, который надолго отпечатается в памяти принцессы. Внезапно в голове ночной принцессы эхом зазвучала огромная злоба и отчаяние, которые заполнили сознание ее сестры. Когда же облако рассеялось, вместо солнечной принцессы, миру предстала совсем другое. Аликорн ярко-белого цвета с ядовито-синей гривой, напоминавшей по форме развевающиеся языки пламени. Из глаз пони лился такой же огонь. Стоило Луне на секунду заглянуть в них, как ее душу пронзил такой страх и ужас, которого она уже давно не испытывала.

— О да! — с блаженством воскликнул аликорн. — Совсем другое дело! Какая мощь царит внутри этой милой принцессы! И как глупо было сдерживать ее от народа! Надо это исправить...

Яркий столп пламени вырвался из рога огненного аликорна до самых небес, породив жуткий грохот. Пони с криками стали разбегаться в стороны кто куда, забыв обо всем на свете. Облако дыма, витавшее над городом, исчезло в считанные секунды, представив всем небо, объятые синим пламенем.

— Пора увидеть наш дом в истинном обличии! — сказал аликорн, глядя на медленно закручивающуюся воронку в небе.

— Во имя небесных светил... — подавленно произнесла сумеречная пони, отшагнув назад. — Что же это такое?